

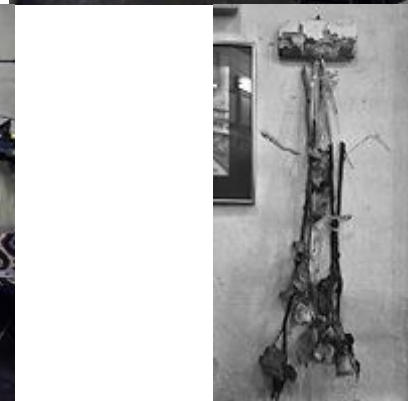
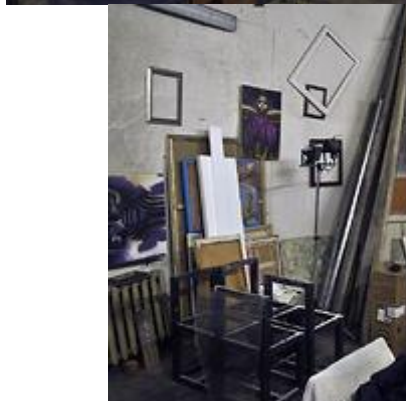
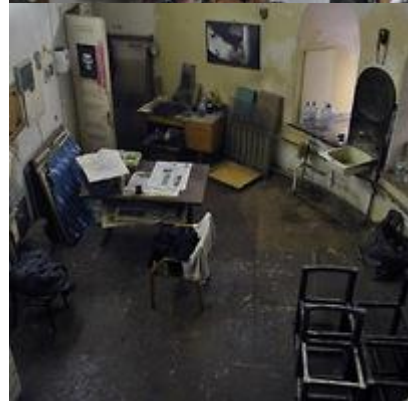
ЮРИЙ ЯКОВЕНКО. МАСТЕР И ЕГО МАСТЕРСКАЯ

Источник публикации:

Гелей, Илья. Юрий Яковенко. Мастер и его мастерская [Электронный ресурс] // grodno.in. — Режим доступа: <https://grodno.in/news/4230/?fbclid=IwAR08woCGxX935W4UO21xHrUHUsOpsr7Tclsdle53wGSc0B7CiZMZcqсWaGo>. — Дата доступа :20.02.2020. — на рус. яз. — фото.

Юрий Яковенко — необычный график с не менее необычными работами; он заставляет зрителя всматриваться в свои произведения. Сюрреалистичные сюжеты, изысканность и утонченность форм, уникальная система авторских образов. Никакой компьютерной графики — только руки и техника традиционного офорта. Юрия знают далеко за пределами Гродно и Беларуси.

— Как все начиналось?

— Довольно банально. Рисовать я любил еще с детского сада, да и получалось по сравнению с другими детьми достаточно не плохо. В детском саду всегда

проходили какие-то отчетные собрания, приезжали люди из «гороно» и «районо» — проводили выставки детского творчества. А мне приходилось и за себя, и за Машу, и за Васю рисовать. В школе я всегда рисовал на различные конкурсы и выставки: защищал честь класса. Был момент в моей школьной жизни, когда помимо творчества, я хотел заниматься футболом. В то время при Гродненском химике появилась футбольная школа (теперь это ФК «Неман»). Я был в первом наборе и хотел стать футболистом. Одновременно, подпольно, в тайне от тренера я ходил в Дворец химиков, где занимался рисунком.

В 4 классе к нам в школу приехала комиссия из Минска. Проводили предварительный набор в столичную школу-интернат с художественным уклоном. Попробовать мог любой — нужно было сдать маленький экзамен — за пол часа что-то нарисовать. Меня, как обычно, приказом сверху отправили от школы. Сказали мне тогда об этом достаточно просто: «*Так, Яковенко, поехал от школы*» — вот я и поехал. Экзамен сдал, пригласили в Минск. В Минске на ура прошел вступительные испытания. Так я на 7 лет оказался в столице.

В школе-интернате была жёсткая система: там не готовили любителей, там изначально готовили профессионалов для белорусской консерватории и театрально-художественного института. Рисование, рисование и еще рисование! Естественно, по каким-то причинам, дети отсеивались: в силу здоровья, по материальным (часто родители были не в состоянии платить — школа была платная, а точнее питание и постельное нужно было оплачивать). На то время это стоило 45 рублей в месяц, когда средняя зарплата по стране была в районе 120 рублей. Тем не менее, когда я оказался в интернате, мне очень понравилось. Я всегда любил быть отдельно от родителей, без лишнего контроля: иди делай уроки, сходи в магазин, иди поешь. В интернате тоже контролировали, но там, в конце концов, было два воспитателя на 25 человек — особо не уследишь. По мере обучения мне это начинало нравиться все больше и интерес к профессии рос. После выпуска меня ждали 2 года армии.

— **Армия не отбила желание продолжать заниматься искусством?**

— В «Ульяновское гвардейское высшее танковое командное, дважды Краснознамённое, ордена Красной Звезды училище им. В. И. Ленина» я попал с моим одноклассником. Когда мы приехали в город, в котором располагалась часть, я был в шоке: там была одна центральная улица, семь синагог, одна церковь и костел. На красной горке возвышалась огромная военная часть. Ехали мы туда несколько дней. Потом, благодаря знакомству с сопровождающим нас лейтенантиком, мы были переправлены до Житомира, где 2 года расписывали Ленинские комнаты: салюты, звезды, серп и молот.

Генерал в Монголию уезжал — нужно ему обязательно что-то русское в дорогу подарить. Я брал «Березовую рощу» Куинджи и делал репродукции. В Государственной Третьяковской галерее она висела в черной большой раме. Я брал золотые рамы, красил их в черный цвет, и все генералы возмущались: «Почему в черный?» А я отвечал, что так в оригинале.

—Интересно. А что было после армии?

— После армии я с первого раза поступил в академию. А дальше пошло-поехало.

Почему графика? Довольно рано, в классе пятом или седьмом, я понял, что я не живописец. Девчонки в то время писали акварелью. Помню как они рисовали яблоко: ярко, хлестко и легко. А ты стоишь, мучаешься и думаешь, почему оно такое мутное, серое, грязное становится. Девчонки чувствовали акварель, у них хорошо получалось. Я же любил брать огромные ватманы и прямо от угла до угла зарисовывать пером, вырабатывая всю тушь.

В старших классах я уже себя готовил к поступлению на кафедру графики. В академии с удовольствием пробовал заниматься линогравюрой и гравюрой на дереве. Все это входило в учебную программу, и я был очень рад. Курсе так на третьем или четвертом я понял, что офорт — моя стихия, я хочу в этом направлении развиваться. Тем более, стали появляться книжки из Чехословакии с европейской гравюрой. Было интересно совершенствоваться не в фантазийном плане, а в сугубо техническом. Когда ты молод, смотришь, как рука идет, почему линия получается так, а не иначе — технический багаж набираешь, потом уже это все становится твоей кухней, твоим ремеслом. Чем старше становишься, тем меньше ошибок. Мои карандашные эскизы очень простые — сплошные конструкции. Вся фантазия уже на металле проявляется.

— Как вы заработали на творчестве первые деньги?

— Студентом я прилично зарабатывал. На втором курсе профессор отвел меня в издательство. Я думал, мне там сказки дадут иллюстрировать, тут я размахнусь, развернусь. А нет, я начал работать со сборниками молодых поэтов. Первый сборник был поэтический. Их никто не брал. Там был титульник, шрифты и какая-нибудь закорючка в конце. Поэты на них толком ничего и не зарабатывали. Такие книжки доставались мне.

Сложность была в том, что тогда не было компьютеров. Все шрифты брали из книжек, искали фотографа, который должен был качественно эти шрифты отснять в большом количестве. Каждую букву вырезали ножницами, скальпелем, клеили на резиновый клей, двигали, а потом опять перефотографировали. Таких книжек я сделал довольно много. Стипендию получал в 45 рублей, а за каждую книжку дополнительно еще 200. Я был сытым и богатым студентом. К концу учебы, еще по советским меркам, у меня было около 3000 тысяч рублей (это половина «Жигуля»).

— Как вы решили вернуться в Гродно?

— Я не собирался возвращаться. Столько лет в Минске: школа, академия, год работы на «Беларусьфильме». Даже успел снять мультипликационный фильм «Месяц». Сценарий был детский, но мультик получился довольно взрослый. После премьеры он долгие годы просто лежал на полке. Сейчас его выкинули в интернет, и теперь он есть и в свободном доступе.

Девяносто третий год — Советского Союза нет, полный бардак и гиперинфляция. Я работал на двух должностях: художником и художником-

постановщиком на «Беларусьфильме». Получал приличную зарплату в Минске, планировал идти в академические мастерские к Георгию Поплавскому. С другой стороны была возможность остаться работать на Беларусьфильме. Тем более мне обещали прописку от студии. Но так получилось, что на студию был выделен бюджет в 10 миллионов рублей — хватало его на полтора, два фильма. Из этих 10 миллионов нужно было где-то 670 тысяч заплатить за мою прописку. На такие затраты студия пойти не могла. Пришлось увольняться и съезжать из общежития.

Друзья придержали для меня пустую мастерскую в Гродно. Ту самую, где мы сейчас и находимся. Хорошее место для мастерской. Даже станок валялся на улице. Несмотря на то, что я говорил, что не приеду, друзья держали мастерскую до последнего. Как будто чувствовали, что все так повернется.

21 марта я приехал обратно в Гродно, а 23 числа уже получил тут место. Потом меня несколько раз звали обратно в Минск, говорили, что ждут в аспирантские мастерские, что готовы помочь. Я отказался. Какой смысл это все бросать, когда я только устроился?

— **Не жалеете что из Минска пришлось уехать?**

— Честно, раньше долгое время страдал, потому что Гродно — это не Минск. Ощущение пространства другое, город маленький. Нет больших проспектов, толп людей, нет метро, театров, фестивалей. В этом плане Гродно еще глухая провинция. Пытаются что-то серьезное делать, но масштаб по сравнению с Минском пока не тот. Потом постепенно нашлись и плюсы: дом рядом, мастерская рядом — пешком прогулялся и уже на рабочем месте.

Даже сидя в провинции можно чего-то добиться, чего-то достичь. Все зависит от человека. Мне это удалось. В Минске меня знают и уважают... и в Европе, и по всему СНГ. Для меня нормально и комфортно находиться в Гродно. Это типичная Европейская ситуация. Не обязательно жить в столице. В столице надо бывать, работать, организовывать выставки. Жить можно и в провинции.

Сейчас я зарабатываю достаточно. Я не скажу, что барствую и шикаю, нет. Денег хватает для поддержания тонуса, для поддержания мастерской, для того, чтобы семья существовала и дети чувствовали, что у них нормальное детство и все необходимое есть.

Есть люди, которые мне очень сильно помогают: мои профессора и друзья. В Европе есть те, с кем мы дружим уже больше 10 лет. Профессиональные отношения постепенно переходят в дружеские, семейные. Это важно, когда ты кому-то нужен. Чувство востребованности просто необходимо.